

УДК 94 (38) 045

*Н.Ю. Старкова**

ВЛИЯНИЕ МЕССЕНСКИХ ВОЙН НА ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ АРХАИЧЕСКОЙ СПАРТЫ И ПЕЛОПОННЕССКОГО СОЮЗА

В статье идет речь о формировании внешнеполитической доктрины архаической Спарты. Она постепенно перешла от завоевательной политики эпохи Мессенских войн к заключению договоров с соседями, что привело к поэтапному формированию Пелопоннесского союза.

Ключевые слова: Спарта, Мессенские войны, Пелопоннесский союз, полис, права и обязанности союзников.

В современном антиковедении проблематика, связанная с историей Спарты, заслуженно занимает достойное место среди прочих проблем древней истории. Фокусом исследовательского интереса является изучение особенностей спартанского государственного и общественного устройства. При этом внешней политике Спарты уделяется гораздо меньше внимания, причем, как правило, она описывается в контексте известных внешнеполитических событий истории Греции, как, например, греко-персидских или Пелопоннесской войн. Восстановив в общих чертах ход событий и не отвлекаясь на конкретно-исторические детали двух Мессенских войн, попытаемся рассмотреть лишь один аспект из их последствий, а именно постепенное формирование новой внешнеполитической доктрины Лакедемона, иначе говоря, путь Спарты к Пелопоннесскому союзу.

Первая Мессенская война совпала по хронологии с началом эпохи Великой греческой колонизации. Берега Южной Италии, Сицилии, Франции, Малой Азии, а также Черного моря покрылись новыми городами, основанными эллинами [8, с. 385–386]. Для Спарты война стала аналогом колонизационного движения, попыткой решить проблему с перенаселением не за счет дальних, а за счет ближних земель.

* © Старкова Н.Ю., 2009

Старкова Надежда Юрьевна – кафедра истории Древнего мира и Средних веков Удмуртского государственного университета

Одним из последствий Первой Мессенской войны (приблизительная датировка 40–20 гг. VIII в.) стало появление единственной спартанской заморской колонии на юге Италии в Таренте (706 г. до н.э.). Его основали на восточном берегу Аппенинского полуострова почти в 370 км от Сицилии. Правда, источники далеко не единодушны в освещении этого факта. Одни авторы говорят об основании города парфениями (Ephor. Frg. 216; Dion Hall. XX, 112; Diod. XV, 66 ; Strab. VI, 3, 3 ; Just. III, 5, 6). Они, будучи юными, приняли участие в войне, но в силу возраста не могли принести присягу. Позднее парфении сошлись со спартанскими женщинами, чтобы государство не осталось без подрастающего поколения. Но апелла (народное собрание) лишила их гражданских прав, и они составили заговор совместно с илотами. Когда же их намерения были открыты, парфении вынуждены были отправиться в изгнание и принять участие в основании Тарента. Руководил заговором Фаланф, выходец из Амикл, как и многие другие парфении. В день праздника Гиакинфий он должен был подать сигнал своим сторонникам и надеть на голову меховую шапку. Однако путч из-за доноса провалился, власти не стали казнить заговорщиков, а выслали их из Спарты.

В других случаях античные авторы указывают на основание города так называемыми «эпейнактами», то есть наложниками (Diod. VIII, 21; Athen. VI, 271 с.) [1, с. 42].

Степень историчности деталей традиции о парфениях или эпейнактах оценить трудно. Предполагаю, что обе эти традиции не противоречат, а дополняют друг друга. Единственное, что можно утверждать более определенно, это ущербность социального происхождения парфениев и эпейнактов. Связь заговорщиков с культом Аполлона Амиклейского и праздником Гиакинфий, бесспорно, указывает на то, что в заговоре участвовала, по всей вероятности, какая-то часть спартанской аристократии [12, с. 61].

Факт заговора и уход в изгнание определенной части спартиатов, несомненно, отражают внутривнутриполитическую ситуацию в Спарте после Первой Мессенской войны. Показательно, что в Таренте вплоть до середины VI в. практически отсутствуют предметы лаконского экспорта, что говорит о возможном «эмбарго» на общение, наложенном метрополией на колонию [13, с. 183].

Вместо дальнейших заморских экспедиций лакедемоняне вскоре затеяли второй поход на Мессению с целью сконцентрировать свои усилия на установлении и удержании господства в Пелопоннесе.

О начале Второй Мессенской войны (приблизительная датировка – последняя треть VII в.) в античной традиции имеются два противоположных варианта предания. Согласно Эфору (frg. 115), Диодору (XV, 66, 4), Юстину (III, 5, 2–4), мессенцы восстали против своих угнетателей. По Диодору, «позже, когда мессенцы стали рабами, лакедемонянин Аристомен убедил мессенцев восстать против спартанцев» (Diod. XV, 66, 4). Этой же версии придерживался Юстин (Just. III, 5, 2), то есть существует мнение, что Вторая Мессенская война – это результат взрыва недовольства в форме восстания рабов. Сохранился, однако, и иной вариант античной традиции об этих событиях. Это версия Аристотеля (frg. 592 R.), Каллисфена (frg. 23), Полибия (IV, 35, 2), Страбона (VIII, 362) и Павсания (IV, 15, 1), согласно которой

война была коалиционной и являла собой серьезное, с точки зрения тогдашней геополитики, столкновение сил в Пелопоннесе.

Большинство современных авторов оценивает Вторую Мессенскую войну именно как коалиционную. Показательно авторитетное мнение В. Эренберга, который отметил, что война с мессенскими илотами превратилась в борьбу за власть в Пелопоннесе [11, с. 1371-1453].

После окончания Второй Мессенской войны лакедемоняне заложили прочную основу для своего господства на юге Балканского полуострова, для мессенцев это означало поражение и захват территории с появлением группы мессенских илотов. Их численное превосходство над гражданами Спарты заставило предпринять ряд чрезвычайных шагов по стабилизации внутренних спартанских порядков. Однако к середине VI в. до н.э. внешнеполитический курс Спарты претерпел существенные изменения и постепенно приобрел иные очертания. От практики порабощения соседей с помощью силы она постепенно переходит к заключению договоров с отдельными государствами Пелопоннеса. Образованию локальных союзов способствовали общие внешнеполитические цели и задачи, например борьба с Аргосом и тиранами.

Существенно изменился облик спартанского полиса; на смену аристократической модели государства пришла гоэлитская полития. Под контролем спартиатов оказались большие массы илотского населения Мессении [15, с.71]. До наших дней дискутируется вопрос о так называемом социальном перевороте середины VI в. до н.э. в Спарте [3, с. 62]. Не вдаваясь в детали дискуссии, отметим, что во всяком случае после Второй Мессенской войны был проведен комплекс мер социально-экономического, политического, идеологического, военного и культурного характера, главной целью которых было сплочение гражданского коллектива для создания отпора численно превосходящему илотскому населению, а также укрепление спартанского господства в Пелопоннесе [9, с. 264]. После завоевания Мессении агрессивный потенциал спартанского государства, по всей видимости, был исчерпан [7, с. 213].

Постепенно меняется характер внешней политики Спарты, и она переходит к партнерской практике отношений с ближайшими соседями. Основу Пелопоннесского союза составляли договоры, которые Спарта заключала с соседними государствами. Подобные отношения сложились первоначально с Аркадией. Выносливые жители этой горной страны вели, главным образом, пастушеский образ жизни и занимались скотоводством, а также доставляли дорогостоящий корабельный лес в приморские города. К этому времени Тегея и Мантиней уже представляли собой важные религиозные центры, кроме того, эти города организовали рынки для населения, которое отчасти было кочующим [8, с. 402].

Начало наступления на Аркадию было обусловлено стремлением раздвинуть северные границы Лакедемона. Через Аркадию на север Пелопоннеса вели дороги стратегического и торгового назначения, и к тому же аркадская земля могла послужить в качестве буферной зоны при нападении исконных врагов Спарты аргивян. Часть побежденных мессенцев нашла на землях Аркадии убежище, что создавало угрозу вспышки нового илотского мятежа (Ρολυβ. IV, 33) [12, с. 42].

Именно с тегеатами и разгорелся у Спарты военный конфликт, а его результатом оказался договор, положивший начало Пелопоннесскому союзу. К сожалению, сохранился лишь краткий фрагмент текста договора между Спартой и Тегеей (Arist. frg 592= Plut. Aet. Graec. 5; Aet. Rom., 52) [6, с. 71]. В нем констатировалось, что тегеаты были обязаны выдать тех мессенцев, которые скрылись на территории Аркадии после последней Мессенской войны, и не принимать их в число тегейских граждан [10, с. 138].

Это был самый первый дипломатический документ в истории Пелопоннесского союза. Данный договор был поворотным пунктом в истории не только самой Спарты, но и остальной Греции. Спартанская политика превратилась в оборонительную, нацеленную на удержание достигнутого и сохранение союзных отношений. Они включали требование изгнания мессенских беженцев и, возможно, обязательство оказывать Спарте помощь в случае илотского восстания, а также подчинение спартанскому командованию в совместных войнах [14, с. 64]. Спарта при этом заключала договор с каждым городом в отдельности, но они не становились автоматически союзниками между собой.

Ценной союзницей для Спарты оказалась Элида. Славящаяся своими плодородными землями она могла поставлять для нужд Пелопоннесского союза продовольствие и корабли. Элейцы были желаемым партнером, как заметил Ксенофонт, благодаря их финансовым возможностям (Xen. Hell. V, 5, 19; VI, 5, 5). Элейцы в своем большинстве выступали на стороне Спарты в Мессенских войнах. Область элейцев в топографическом плане делилась на три района: собственно Элиду, Пизу и Трифилию (Strab. VIII, 5, 6, p.367). Три части ландшафта связывала между собой река Алфей, но в политическом отношении все три региона были независимыми. Спарта была исключительно заинтересована в сближении с Элидой, так как это предоставило бы дополнительные преимущества в Олимпии и устраиваемых там играх. Особенно заметно возрастание активности Спарты в Олимпии с конца VII в. до н.э., о чем свидетельствуют листы Олимпиоников – победителей. Реальное объединение элейцев со спартанцами началось еще во время Второй Мессенской войны [14, с. 35].

Лакедемоняне поддержали элейцев в борьбе с пизатами и трифилийцами около 580 г. до н.э. К сожалению, никто из античных авторов не сообщает подробно об осаде Писы и переходе контроля над святилищем Зевса Олимпийского к элейцам. Вскользь об этом написал лишь Павсаний (Paus. V, 10, 2). Также сложно установить детали картины возникновения предания об особой роли элейцев как устроителей дел в ранней Олимпии [4, с. 235].

Сотрудничество Спарты и Элиды на данном этапе выглядит взаимовыгодным – в обмен на членство в Пелопоннесском союзе спартанцы захотели и смогли расширить сферу политического влияния в Олимпии. Благодаря элейцам Спарта последовательно утверждала свое влияние в общегреческом культовом и агональном центре. Кооперация Спарты и Элиды при заключении союза была принципиально важна для обеих сторон. Спарта, по-видимому, оставила религиозные вопросы в руках элейцев, а вопросы, связанные с политической сферой Олимпийских игр, контролировала сама.

Важными оказались и политические последствия заключения спартано-элейских соглашений, в частности, был подорван важнейший принцип полисной организации – автономия, поэтому оставалось лишь вопросом времени, пока ее потеря приведет к потере свободы. Спарта как гегемон хотела убедиться, что правящая элита подчиненных союзников последует полуавтоматически за ее пожеланиями.

Сикион появился среди союзников Спарты после свержения тирании Орфагоридов и участия в ряде удачных внешнеполитических акций, направленных против Аргосской гегемонии. Развитый в экономическом отношении город, занимавший к тому же важное положение на севере Пелопоннеса, как представляется, был даже более зависим от Спарты, чем Коринф или Элида [12, с. 140]. Сикион и его олигархи считались верными союзниками Спарты, что, по-видимому, удовлетворяло интересам большинства населения.

Одна из актуальных проблем в ранней истории Пелопоннесского союза – наличие или отсутствие изначальной иерархии среди членов союза. Этот вопрос продолжает оставаться актуальным уже на протяжении достаточно продолжительного времени.

Чаще всего современные исследователи рассматривают членов Пелопоннесского союза как однородную массу, выделяя из нее лишь Коринф, занимавший стратегически важное положение между двумя морями, на Истмийском перешейке. Именно с этим городом связаны были многие нововведения – изобретение трирем и других видов торговых судов и появление на их базе военных кораблей. Коринф был одним из самых заинтересованных партнеров лакедемонян, ибо в Пелопоннесе только Спарта могла выполнить роль гаранта его безопасности и защиты от Аргосских амбиций. Сближение со Спартой произошло после свержения тирании Кипселидов в 581 г. до н.э. Однако вопрос, принимала ли активное участие в антитираническом движении Спарта, остается дискуссионным. По предположению М.Э. Курилова, можно назвать и конкретную дату спартано-коринфского соглашения – 556 г. до н.э. [2, с. 142].

Косвенным подтверждением более независимого положения Коринфа среди прочих пелопоннесских союзников можно считать несколько исторических фактов. Так, в случае конфликта Аргоса с Тегеей около 473/2 гг. до н.э., а в 421 г. до н.э. имело место объединение Аргоса, Мантинеи, Элиды и Коринфа. В связи с этим некоторые исследователи называют Коринф «неудобным» для Спарты партнером.

Итак, к концу VI в. до н.э. были созданы основы для объединения пелопоннесских государств. Заключение договоров с Тегеей, Элидой, Сикионом и Коринфом помогло Спарте занять лидирующие позиции в регионе. Около 519-510 гг. до н.э. членом Пелопоннесского союза стали и Мегары. Образование спартано-мегарского альянса обусловлено победой местной олигархии [16, с. 39]. После разгрома аргивян у Сепеи членом союза стал Флиунт [5, с. 229-231]. Флиунт мог претендовать на особую роль среди союзников Спарты, поскольку принадлежал к немногим греческим государствам, имевшим собственную конницу и около 5000 взрослых мужчин (Xen. Hell. V, 3, 16), но при этом никогда не выставлял в войско Пелопоннесского союза особо крупные контингенты.

Двусторонние договоры Спарты с соседями легли в основу объединения под названием «лакедемоняне и их союзники». Все союзные договоры оговаривали четыре наиболее важных положения: 1) изгонять беглых мессенцев и не включать их в число граждан; 2) оказывать помощь при возникновении илотского мятежа в самой Спарте; 3) иметь общих друзей и врагов; 4) следовать за спартанцами по суше и по морю, куда бы они ни повели (соответственно, объединенными командирами были спартанцы). Спарта со своей стороны обязывалась защищать своих союзников и не нарушать их суверенитет.

Первоначально геостратегические интересы союза не выходили за границы собственного полуострова, однако к концу VI в. до н.э. ситуация существенно изменилась. Около 519 г. до н.э. спартанский царь Клеомен во главе Пелопоннесского союза предпринял военную экспедицию в Среднюю Грецию (Hdt. VI, 108, Thuc. III, 55, 1, III, 68, 5). Ее конкретная цель — под лозунгом защиты исторической прародины Дориды ослабить фокидян и упрочить свое влияние в Дельфах. В ходе акции обнаружилось намерение Платей вступить в Пелопоннесский союз, однако реализовано оно не было. На основании «платейского инцидента» можно, по мнению И.Е. Сурикова, с достоверностью говорить как минимум о двух обстоятельствах. Во-первых, спартанцы во время правления Клеомена I рассматривали в качестве сферы своего влияния уже не только Пелопоннес; их интересы простирались теперь и на Среднюю Грецию. Во-вторых, включаясь в сложные внешнеполитические перипетии этого региона, они не могли не принимать в расчет самую мощную в нем силу — Афины.

В 505-504 гг. до н.э. состоялся один из первых конгрессов Пелопоннесского союза, который зафиксировал, что создано большое союзное объединение, именуемое «лакедемоняне и их союзники», но пока не обладающее стройной конституцией, общесоюзным гражданством и общей казной. Кроме того, в союзе практически отсутствовала какая-либо централизация: не было ни общей администрации, ни упорядоченного взимания денежных выплат с союзников, ни единой внешней политики (доходило до того, что полисы — члены союза — могли вступать в вооруженные конфликты друг с другом), то есть Пелопоннесский союз был структурой на первый взгляд весьма рыхлой, но постепенно приобретал черты военно-политического союза, или симмахии.

Таким образом, с самого начала своей истории Пелопоннесский союз был инструментом спартанской политики и имел тенденцию к расширению. Особо выделим тот факт, что это был первый военно-политический союз в Греции, опыт которого был позднее заимствован другими элинами.

Как представляется, стремление Спарты к преобразованию совокупности двусторонних отношений в многостороннюю симмахию могло бы показаться странным, если не учитывать, что такая многосторонность не ослабляла спартанского влияния среди союзников. Напротив, это влияние укреплялось и должно было обеспечить установление в Пелопоннесе спартанской гегемонии. Это доказано тем, что Пелопоннесский союз активно участвовал в событиях середины V в. до н.э., когда уже наметилось его соперничество с Афинской архэ.

Библиографический список

1. Валлон А. История рабства в античном мире. М.; Л., 1941.
2. Курилов М.Э. Социально-политическое устройство, внешняя политика и дипломатия классической Спарты. Саратов, 2005.
3. Старкова Н.Ю. II Мессенская война и ее роль в истории архаической Спарты // Античность, средние века и новое время. Социально-политические и этнокультурные процессы. Н.Новгород, 1997.
4. Старкова Н.Ю. Миф как инструмент политической пропаганды в деятельности Пелопоннесского союза // Этнос – Человек-Культура: сб. мат. Ижевск, 2003.
5. См.: Строгоцкий В.М. Внешняя политика Спарты во второй половине VI – начале V вв. до н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973.
6. Строгоцкий В.М. Полис и империя в классической Греции: учеб. пособие. Н. Новгород, 1991.
7. Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005.
8. Хаммонд Н.-Дж.-Л. Пелопоннес // Кембриджская история Древнего мира. Т. III. Ч. 3. М.: Ладомир, 2007.
9. Birgalis N. Helotage and Spartan social organization // Sparta: Beyond the Mirage. Editors Anton Powell and Stephen Hodkinson. The Classical Press of Wales and Duckworth, 2002.
10. Cartledge P. Sparta and Laconia. A regional History 1300-362 B.C. London: Boston and Henly, 1979.
11. Ehrenberg V. Sparta. Geschichte // RE. 2. Reihe. Bd.III. Hbbd. 6.1929. Sp.1373-1453.
12. Forrest W.G. L. A History of Sparta 950-195 B.C. London, 1968.
13. Kiechle F. Lakonien und Sparta. München, 1963.
14. Kiechle F. Messenische Studien. Untersuchungen zur Geschichte der Messenischenn Kriege und Auswanderung der Messenier. Kallmunz, 1959.
15. Schaefer H. Staatsform und Politik. Leipzig, 1932.
16. Wickert K. Der Peloponnesische Bund von seiner Entstehung bis zum Ende des Archidamischen Krieges. Erlangen, 1961.

N.Y. Starkova

INFLUENCE OF THE MESSENIAN WARS ON THE FORMATION OF FOREIGN POLICY DOCTRINE OF THE ARCHAIC SPARTA AND THE PELOPONNESSUS ALLIANCE

This article is devoted to the formation of the archaic Sparta's foreign policy doctrine. It moved gradually from the aggressive politics of the epoch of Messenian wars to making contracts with neighbours that has led to the stage formation of the Pelloponnessus alliance.

Key words: Sparta, Messenian wars, Peloponnessus alliance, policy, rights and duties of allies.